

Л.И. Шерстова

Россия, Томск

Томский государственный университет

Евразийская ментальность: сибирский аспект

В отечественной историографии евразийская концепция восходит к работам Н.Я. Данилевского, П. Савицкого, Н. Трубецкого, позже она получила развитие в трудах Г.В. Вернадского и Л.Н. Гумилева. Между тем, достаточно рано она оказалась политизированной и в более поздний период рассматривалась как геополитическая конструкция (А. Дугин, Н. Назарбаев). К тому же ее принятие или непринятие во многом зависело от мировоззренческих установок исследователей, воспринявших европоцентристскую картину мира, как единственно верную.

Эти обстоятельства препятствовали признать тот методологический потенциал, которым обладает евразийство, как объективное явление, т.е. как этнокультурный феномен, характеризующий общее этнокультурное и ментальное наследие народов Северной Евразии. Важным представляется акцент на понимании евразийства не только как процесса взаимодействия народов региона, но и как результата этого взаимодействия. Тогда *евразийство можно определить, как синтез культурных явлений разновременных и разноэтничных общностей как европейского, так и азиатского происхождения на территории Евразии, как результат широтных миграций населения как с востока на Запад, так и с Запада на Восток.* Вместе с населением непосредственно или опосредованно переносились культурные элементы и социальные институты, которые закреплялись у населения региона, принимая со временем ментальные формы, проявляющиеся в виде ощущений, пристрастий, ценностей, т.е. неосознаваемых принципов устройства общества, отношения к власти, земле, к восприятию «других», «непохожих» по образу жизни и религии.

Историки Сибири отмечают, что какой-либо продуманной политики России в Сибири на ранних этапах присоединения не было, т.е. русская власть выстраивала свои отношения с местным населением, исходя из предыдущего опыта, учитывая особенности сибирских социумов. Успешность такого подхода проявилась очень рано, хотя бы в том, что уже в 1640 – е гг. русские вышли к побережью Тихого океана, основав на сибирской территории города и остроги, приведя «под государеву руку» и обьясачив значительную часть местных народов. Главным принципом московской власти было не столько «разведывание новых земель», сколько стремление «полнить волости», т.е. увеличивать число подданных в Сибири. Конечно, с рациональной точки зрения русским нужны были поставщики пушнины, но взять ее можно было только учитывая принципы организации сибирских народов, их понимание необходимости подчинения власти. Показательно, что служилые люди, как правило, не занимались организацией податных институтов – они уже существовали как *административно-фискальные единицы – улусы, юрты, наслеги, роды, в основе организации которых был не размер территория, а определенное количество людей, само их наличие.* Этот принцип широко был распространен в подвижных обществах Центральной Азии, в качестве переписи населения он введен был на Руси в монгольский период. Русские унифицировали названия аборигенных административно-фискальных единиц, обозначив их как «ясачные волости», но они сохраняли свою подвижность и «убегали» от «несправедливой власти». Стоило исчезнуть населению волости, как она прекращала свое существование.

Второй принцип, который был использован русской властью в коммуникациях с местным населением заключался в минимальном вмешательстве русской власти во внутренние дела аборигенного общества, в его социальную структуру, образ жизни. Истоки такой политики кроются в опыте взаимодействия древнего Китая с многочисленными варварами, в полиэтничных «кочевых империях» Центральной Азии, в особенностях

ордынской политики по отношению к русским княжествам, что позволило последним сохранять свою социальную структуру и оказаться способными к объединению. Именно благодаря «принципу невмешательства» сибирские народы сохраняли свои этнонимы с раннего Средневековья вплоть до начала XX в. (аба, кергешы, азы, туба, теленгиты и т.д.).

Следует заметить, что эти принципы, несмотря на реформы начала XVIII в. продолжали функционировать в Сибири до реформ П.А. Столыпина: несвязность населения и территории его обитания проявлялась в наличие экстерриториальных инородных управ, в собственности Алтайского горного округа на земли, но в подчинение аборигенов губернской власти, в совместном коллективном праве аборигенов и русских крестьян на сельские угодья. Принцип «невмешательства» нашел свое яркое воплощение в «Уставе об управлении инородцев» (1822 г.), согласно которому аборигены имели свои административно-фискальные образования – управы, думы; свое самоуправление, права на земли, «ими обитаемые», запрет на поселения на землях аборигенов без их согласия.

Причиной такого отношения к «чужим» была этническая индифферентность, устройство российского государства не по национальному, а по сословному принципу, а также убеждение в том, что культурная, а не кровнородственная связь является определением этнической близости. В русской культуре это нашло отражение в том, что тот, кто был «православным», являлся автоматически и «русским», в китайской – приняв конфуцианство «варвар» становится «ханьцем». Учитывая полиэтничный характер России и Китая – это было одним из условий сохранения ими государственной стабильности.

Устойчивости общей евразийской традиции русских и народов Сибири способствовали и аналогичные ментальные представления о власти и о земле. *Власть, прежде всего, воспринималась как нравственная категория*, что было связано с архаичным концептом Неба, который имелся в картине мира ранних индоевропейцев, древних китайцев, средневековых тюрков и монголов. Небо одинаково относится ко всем, правитель лишь, как самый достойный, осуществляет волю Неба. В отличие от западной общественно-политической мысли, в которой уже в античном Риме власть основывалась на законе, евразийская традиция сохраняла неразрывную связь власти с моралью. Этим объясняются попытки в русской истории «найти настоящего царя», признания вождя восставших китайским императором, выбором Темучина монгольским ханом. В Сибири это проявилось в переходе значительной части местной элиты в подданство Москвы – стоило Ермаку победить Кучума, как ближайшим окружением последнего это было воспринято как «воля Неба». Небо помогает достойным – служить недостойному – идти против «воли Неба», но став достойным, нужно, как Небо оставаться беспристрастным и справедливым ко всем. Поэтому власть, согласно евразийской традиции, должна быть не столько законной, сколько справедливой, что сохранилось и в современной российской картине мира.

Не менее важным был и концепт Земли, также имеющей евразийский генезис. Земля у всех народов Евразии осмысливалась как «живая» - значит, с ней можно было вступать в коммуникационные отношения. Но она была «Мать – сыра земля», что тождественно тюркскому «*Дер-суу*», т.е. «живая», «плодородная, способная дать жизнь». Она осмысливалась, как начало всему живому, в т.ч. и человека. Отсюда устойчивая установка, что *землю нельзя продавать*. В традиционном обществе часть ее на какое-то время можно получить в результате дарообмена с духами Земли. Право на землю определялось освоенным пространством, вложенным в нее трудом. Невозделанная земля, ее недра принадлежат всем, никто не имеет, а, вернее, все могут ими пользоваться. Думается, с этим связана и неудавшаяся реформа П. Столыпина, и «насаждение» частной собственности на землю в 1990 – е гг., которое основная часть населения России считала «несправедливым», а вернее – не соответствующим глубинным представлениям о неприкосновенности Земли, как части сакрального пространства.

Евразийская ментальность, проявляющаяся в социально-политических институтах, в экономических и культурных отношениях, в ценностных ориентациях русских и аборигенов Сибири создала благоприятные условия для их контактов и совместной жизни.